
_____ 4 ноября 1985 г., поезд Калининград-Москва
("Янтарь")

___ **10 июня** в гостях у Лебле. 40 лет Серёже! Были Бузины, Филановские, Кондратьев, Щёкин. И было скучно. Пьём теперь мало, песен почти не поём, споров не ведём... Едим только.

На 40-летию Серёжи Лебле, 10 июня 1985 г.

— **12 июня** - день нашей свадьбы, 21-я годовщина: очко! Отметили это событие шампанским, без гостей, за столом с нами были только дети. А вечером мы с Митей ходили на вечер юмора в кинотеатре "Россия" - встреча с писателями-юмористами Михаилом Задорновым и Леоном Измайловым, постоянными авторами 16-й страницы "Литгазеты" и телепередачи "Вокруг смеха".

— Сашуля не соблазнилась, осталась с Иринкой шить что-то к отпуску перед телевизором. Ну, а мы с Митей взяли билеты прямо перед сеансом на самую верхотуру и остались очень довольны, особенно Митя, у которого "Вокруг смеха" - одна из любимейших передач (наряду с "Что? Где? Когда?" и "А ну-ка, девушки!"). Выступления юмористов перемежались вполне качественными музыкальными номерами ансамбля "Мелодия". Юмористы же, в основном, рассказывали анекдоты. Такого типа, например.

— В школе учительница задаёт детям задачу на абстрактное мышление:

— - Летят по небу два крокодила, один со скоростью 60 километров в час, другой - 90. Сколько мне лет?

— Дети молчат, думают. Наконец, один поднимает руку:

— - Двадцать четыре!

— - Правильно. Поди к доске, расскажи нам, как ты рассуждал.

— - Очень просто. Когда я к папе пристаю с такими вопросами, он меня называет полудурком, а мне двенадцать лет.

— Или: когда на рынке продавца Гогишвили попросили разменять двадцать пять рублей, он страшно удивился: - А разве мельче бывают?

— И даже такое: сообщение синоптиков - над большей частью Европы, Азии, Африки, Америки, Австралии и Антарктиды осадки в виде дождей, снега и града. Над странами социалистического лагеря небо, как всегда, ясное.

— Мите очень понравились впечатления Задорнова от посещений бакинских магазинов. Надписи на ценниках: конфеты "Лапки Гуссейна" ("Гусиные лапки"). Три кастрюли, одна

другой меньше, снабжены такими: "Гаструл" (самая большая), "Гаструлка" (поменьше) и "Гаструлчик" (самая маленькая). Телячьи мозги обозначены: "Ум. Цена 1 р 50 к".

Продавщица кричит: "Касса! Ум больше не пробивайте, у меня на всех ума не хватит!"

— Митя был в восторге и в последующие дни стал изучать ценники в наших магазинах, надеясь найти какой-нибудь шедевр. Но не нашёл. Плохо с юмором в калининградских магазинах.

---

19 ноября 1985 г.,

Шереметьево

— Отпуск мы решили провести, как обычно, в июле в Севастополе, но Сашуля хотела, чтобы я с Митей навестил ещё и её родителей во Владимире. Там соскучились по Мите, да и меня давно не видели. Зовут каждый год к себе клубнику со своей дачи поесть, а я эту дачу даже и в глаза не видал. К тому же мне всё равно нужно ехать в конце июня в ИЗМИРАН на защиту Шагимуратова, вот и взял бы Митю с собой, да и заехали бы во Владимир на недельку - рядом ведь.

— - Ничего себе рядом, - отбивался я от этих прожектов. - До Владимира из Москвы намучаешься в электричке ехать три с половиной часа, летом народищу много, иногда даже сесть невозможно, стоять приходится. А тут из ИЗМИРАНа до Москвы только устанешь добираться, да ещё с Митей. Ничего себе отдых! И куда я его в ИЗМИРАНе дену? К Бирюковым в Москве отвезти? Это ещё один лишний конец. Да и во Владимир мне, честно говоря, совсем не хочется. Водку с тестем пить не тянет, а что там делать-то ещё?

— Сашуле самой во Владимир ехать не хотелось. Жалко было отпускных дней, да и была она там недавно - на похоронах бабушки Фени. Но Митю свозить туда считала нашим долгом перед бабулей Тоней и очень огорчилась моим отказом.

— - Тогда я в Севастополь не поеду, - полуобижённо-полураздражённо заявляла она мне.

— - Это почему ещё?

— - Что же такие деньги тратить на дорогу - и во Владимир, и на Севастополь! - пробовала она воздействовать на меня со стороны моей денежной прижимистости.

— - С чего это ты вдруг такой экономной стала? Что у нас - денег не хватает? Уж на поездки я их, кажется, никогда не жалел.

— Дебаты продолжались таким образом несколько дней, переходя порой во взаимные упреки в нечуткости к родителям и друг к другу, и кончились тем, что мы решили съездить во Владимир на неделю вместе, то есть втроём - Сашуля, Митя и я. Иринка с Мишей, разумеется, оставались дома.

— Я отправлялся сначала в ИЗМИРАН на защиту Шагимуратова, которая была назначена на пятницу 21-го июня, а в субботу должен был встретить в Москве Сашулю с Митей и поехать с ними во Владимир.

— Защита Шагимуратова прошла очень гладко. Боялись за кворум, перед этим в ИЗМИРАНе были сорваны то ли две, то ли сразу четыре защиты. Но в этот раз кворум был, хотя к началу защиты в конференц-зале сидели не более пяти членов Совета, да и всего слушателей было с десяток. Потом, правда, ещё несколько человек подошло.

— Отзывы официальных оппонентов - Лихтера и Михайлова (Андрюши из ИПГ) были весьма положительные. Лихтер не вылезал в последнее время из больниц, ему было уже за семьдесят, плохое сердце, измождённый, обескровленный какой-то вид, и я удивлялся - с каким темпераментом он расхваливал Юрину работу, подробно разясняя немногочисленным слушателям её большое научное значение. Проголосовали единогласно "за".

— Отмечали защиту в очень узком кругу на квартире у Люды Лещенко, ходившей когда-то вместе с ним в море на "Курчатове". Кроме Люды были ещё Надя Сергеенко, да я с Саенко, потом, уже поздно вечером Ситнов подошёл, принёс записи Жванецкого и Хазанова ("Советские туристы на стриптизе в Италии"). Женщины приготовили

шикарный ужин, чем защита Шагимуратова и отличалась от прочих защит и предзащит наших калининградских соискателей, проходивших в ИЗМИРАНе и непритязательно отмечавшихся в измирановской гостинице - водка из гранёных стаканов, закуска из полупустого магазина, чем Бог послал, за письменным столом обычно, сидя на кроватях, в сигаретном дыму, с жутким галдежом. У Юры всё было очень культурно, в уюте, с женщинами, с музыкой.

— На защите Шагимуратова я встретился с Даниловым - он член Совета, который сообщил мне, что сегодня в ВАКе решается судьба Бобарыкина, после обеда он туда едет. Сказал, что дела его плохи. "Чёрным оппонентом" был Хазанов, и написал резко отрицательный отзыв. К тому же все эти кляузы из университета по поводу его пьяных драк тоже сыграют, конечно, свою роль, так что он меня поздравляет.

— Я ответил, что уж и забыл давно про несчастного Бобарыкина, но рад, что справедливость, наконец, восторжествовала. Бобарыкина, действительно, не утвердили, но сколько сил и времени у скольких людей он на себя отвлек!

— В ИЗМИРАНе помимо защиты Шагимуратова у меня оказалось ещё одно дело. Буквально перед самым нашим отъездом в командировку в Калининград позвонил Самыкин - плановик измирановский и сообщил, что нам срочно нужно переделать акт приёмки темы "Тукан" (той самой злополучной по договору с ленинградским "Вектором"). В том виде, как этот акт составлен, его не принимают в Президиуме Академии Наук, а это ставит под угрозу выполнение плана институтом и получение большой премии, которая положена по "Тукану".

— Поскольку акт можно переделать только совместно с заказчиком, нужно срочно связаться с "Вектором", - посоветовал нам Самыкин, что мы и сделали. Однако там никого из имевших отношение к "Тукану" не оказалось: кто в командировке, кто уже в отпусках - конец июня! Оставалось надеяться на то, что удастся убедить чиновников в Президиуме АН принять акт в том виде, как он есть.

— Приехав в ИЗМИРАН, я сходил в 1-й отдел и посмотрел замечания по акту, сделанные в Президиуме. Там было несколько придинок по форме его составления, за что следовало бы намылить шею Лещенке - ответственному исполнителю, уж форму блюсти его прямая обязанность. Ну как тут не вспомнить, что он вообще не поехал на сдачу темы, укатил в Пицунду как незаменимый якобы участник работ по КАПГ, а вместо него в Ленинграде Коренькова крутилась.

— Хуже было другое: в акте имелась формулировка, буквально гласившая, что "разработанные алгоритмы в силу их громоздкости не могут быть использованы в настоящее время в прикладных целях". Вот за эту-то формулировку и уцепились в Президиуме: как, мол, так? Работа прикладная, а использование в прикладных целях не обеспечено? За что же Вам премию давать?

— И в самом деле, - говорил я вечером Саенке, - а за что нам премию давать? Честнее всего было бы от неё отказаться. Ведь работа фактически не выполнена...

— Ты что, народ так эту премию ждёт! Нам не простят, если мы её упустим. И как же мы на такую формулировку в акте согласились?

— Обрадовались, что без скандала обошлось, что тема будет принята заказчиком, и успокоились.

— Да, бдительность нашу усыпило, что всяких положительных формулировок в акте оказалось предостаточно: и высокий научный уровень, и множество интересных результатов, и, главное, что работа выполнена в полном объёме и в срок, - вот, что нас успокоило.

— Ну, что теперь делать - надо ехать в Президиум и объяснять, что прикладное использование невозможно из-за отсутствия ЭВМ, которую не поставил заказчик, а сами алгоритмы вполне дееспособны. Авось, убедим.

Калининград

— Сначала я попробовал уговорить клерка из Президиума по телефону, но не тут-то было. Он настаивал на переделке акта.

— Что делать? - обратился я за советом к Лобачевскому. - Акт не переделаешь, в Ленинграде никого нет, а реагировать на замечания Президиума надо.

— Лобачевский отругал меня за допущенные нами в акте формулировки, из-за которых сыр-бор разгорелся, и велел готовить ответ в Президиум в виде пояснительной записки к акту, а потом ехать с ним в Президиум и там договариваться - сначала с клерком, а если тот будет упрямиться, идти к его начальству. Но всё это можно было сделать только на следующей неделе, с понедельника, так что на поездку во Владимир у меня оставались лишь суббота и воскресенье.

— В субботу я встретил на Белорусском вокзале Сашулю с Митей, приехавших "Янтарём". Сходили втроём в Политехнический музей. К сожалению, был закрыт автомобильный отдел, но и прочего хватило Мите на впечатления, а нам с Сашулей чтобы ужасно устать. Особенно Сашуле, которую совершенно не волновали макеты всяких там экскаваторов, рудокопающей и прочей техники. Митю же восхищали не только сами макеты, но и то, что они были действующими, как сообщали об этом таблички. Вот только в действии ни один макет не показывали, что приводило Митю в недоумение, и он приставал ко мне с вопросами, почему же действующие макеты не действуют.

— После двухчасовой прогулки по музею - три с половиной часа езды в переполненной электричке, и мы, вконец обессиленные, во Владимире. Николай Степанович встретил нас в своём обычном теперешнем состоянии - слегка под мухой. Но радость его была искренней. Уверял меня, что если бы не дача-огород, чёрт её побери совсем, поехал бы он в отпуск к нам порыбачить... Но чувствовалось, что не дача-огород его держит, и про рыбалку он так вспомнил просто, как про что-то давнее и хорошее, но напрочь забытое и совершенно теперь невозможное. Речь его была отрывистой и временами не очень связной. Ясно было, что он спивается, если не спился уже совсем.

— В воскресенье мы с Сашулей, Митей и Антошкой ездили в Боголюбово. Подивились запущенности остатков монастыря Андрея Боголюбского, расположенного в самом Боголюбово, прямо на шоссе, мимо автобусы "Интуриста" мчат, вот тебе и "Золотое кольцо". Но цель наша была - храм Покрова на Нерли, расположенный в чистом поле на берегу старицы, соединяющейся с быстрой Нерлью, километрах в двух от Боголюбова.

— Идти эти два, а то и меньше километра надо полем - трава по пояс! Специально, что ли, для туристов не косят? Шикарная трава. Упадёшь в неё, и земли не чувствуешь, не проминается до земли, как на перине лежишь. Цветы полевые всякие, запахи. В таких вот полях былинные богатыри с татарами дрались. Сильное впечатление это поле производит.

— А церковь Покрова была в лесах и не смотрелась. Посидели на берегу Нерли рядом с рыбаками, таскавшими уклеек с верху, а изредка и плотвиц и густеру со дна. Есть и здесь, оказывается, рыбалка. И чего Николай Степанович хоть сюда-то не ездит? Совсем рядом ведь.

7

марта 1986 г., аэропорт "Пулково"

— В понедельник первой утренней электричкой я возвратился в Москву. В ИЗМИРАНе мы с Лобачевским сидели в 1-м отделе и ломали голову над ответом на замечания по злополучному акту. Сочинять ответ взялся сам Лобачевский. Мои подсказки ему не нравились, он на меня цыкал, чтобы не мешал, а я не мог уловить ход его мыслей.

— Наконец, опус был составлен. В нём утверждалось, что формулировки в акте следует понимать не так-то, а так-то, а именно, что разработанные алгоритмы, действительно, громоздки - для имеющихся у заказчика и исполнителей ЭВМ, но они работоспособны и предназначены для других, более мощных ЭВМ, которые по объективным причинам не удалось приобрести. И т.д., и тому подобная бодяга.

— С этим письмом и актом я отправился в Президиум в качестве их комментатора. На

моё (пardon) счастье заболел тот клерк, который составлял замечания к акту, а замещал его другой - тоже молодой ещё чиновник приятной наружности с интеллигентными манерами. Он сверил текст акта с "карточкой" - выпиской из Постановления Правительства, предписывавшего ИЗМИРАНу выполнение этой темы, для чего нам пришлось идти в 1-й отдел Президиума и искать там эту карточку среди тысячи других, и нашёл, что, основываясь на текстах акта и карточки, тему можно считать выполненной, хотя, конечно, такие формулировки, какие имеются в акте, допускать никак нельзя:
___- Тут Вы дали маху! Первый раз, что ли, акты составляете?
___Короче, он принял у меня акт и письмо - ответ Лобачевского на замечания, что и требовалось. У меня гора с плеч свалилась.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)